

КТО Я, ФИЛОСОФ-МИЛЛЕНИАЛ, И КЕМ МОГУ СТАТЬ?¹

С.В. Пирожкова
Институт философии РАН

Аннотация: В статье предпринимается попытка нащупать специфику поколения философов-миллениалов через анализ особенностей исторической локации – исторического багажа и вызовов, которые ставит перед философом богатый на возможности и риски современный этап развития знаний и человеческого общества. Работая с поколенческой тематикой, автор опирается на классические труды в этой области К. Мангейма и Х. Ортеги-и-Гассета, отечественную социологическую традицию в лице Т. Шанина, Ю. Левады и др., современные исследования поколения миллениалов, в частности так называемого Я-поколения (Дж. Твендж). Помимо этого, автор, принадлежа к соответствующей возрастной когорте, анализирует личный опыт, выступая как представитель поколения-миллениалов в целом и поколения философов-миллениалов в частности. Основной акцент делается на рассмотрение того, как происходил выбор профессии, какие события его определили, какой была мотивация в нулевые годы – сначала идти учиться на философский факультет, затем писать диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук и, наконец, строить карьеру профессионального философа. Вместе с тем автор критически относится к факту собственной принадлежности к поколению миллениалов, честно обозначая и объясняя некоторую дистанцированность от сверстников и эмоциональную укорененность в опыте предшествующих поколений, прежде всего шестидесятников и семидесятников. Оговаривая факты собственной биографии, способные повлиять на оценку социокультурного и профессионального значения поколения философов-миллениалов, автор предлагает свое видение основных черт, отличающих миллениалов как философское поколение. Один из главных тезисов, обосновываемых в статье, состоит в утверждении о принципиальной открытости судьбы поколения миллениалов в философии, история которого не то, что еще не написана, но строго не предопределена прошлым и настоящим, оказываясь в зависимости от быстро меняющихся образов ближайшего и более отдаленного будущего.

Ключевые слова: поколение, поколенческий анализ, философские поколения, миллениалы, шестидесятники, судьба поколения.

¹ См.: Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – С. 991–1013.

Кажется, что издалека, но на самом деле о главном...

Что есть мое время или моя эпоха? Нечто объективное, существующее независимо от моего взгляда, или конструируемое мной и моими ровесниками и современниками в процессах ретроспекции? Если последнее, то как происходит такое конструирование? Какова роль каждого из нас и какова ответственность за результат этого конструирования? Подобные вопросы задавались не раз и будут задаваться и впредь, потому что каждый должен найти свой собственный ответ, и поиск такого ответа – одна из составляющих размышления об истории и историческом времени, равно как и о собственной жизни и ее значении.

Мой ответ: истина лежит где-то посередине: история и объективно, спонтанно формируется, и конструируется. Само конструирование отчасти сознательное и ориентированное, отчасти тоже спонтанное и в полной мере неосознаваемое субъектами, его реализующими, включается в объективный процесс становления исторической эпохи. Такое понимание может показаться самопротиворечивым: либо спонтанность, либо целенаправленность, либо объективный процесс, либо деятельность субъекта. На самом деле подобные жесткие дихотомии устарели. Исследование сложных процессов привело в прошедшем столетии к появлению новых теоретических подходов. Так, теория детерминистического хаоса и отталкивающаяся от нее синергетика (как метатеория) демонстрируют, что спонтанность и целеориентированность являются характеристиками одного и того же объективного (не зависящего от воли какого-либо субъекта) процесса – процесса самоорганизации. Сложные системы спонтанно самоорганизуются, демонстрируя при этом целенаправленность развития. Что касается субъектов, т. е. обладающих сознанием акторов, то они, будучи включенными в функционирование и развитие системы, способны влиять на нее, особенно в периоды неустойчивости, когда выбор той или иной траектории развития определяют минимальные (по масштабу, энергии, времени жизни) факторы. Таким образом, действия отдельных участников исторического процесса, причем даже те, которые являются на первый взгляд малозначительными, оказываются началом причинно-следственных цепочек, ведущих к историческим макроэффектам. Помимо этого, в обществе как сложной самоорганизующейся системе деятельность субъектов – основная «материя» формирующих ее процессов. Это относится и к той деятельности, которую можно назвать идеальной, объектом которой выступают идеи и мир идеального, создаваемый человеческими мыслью и воображением. Такая деятельность одновременно субъективна и объективна, а также интерсубъективна: субъект является началом (порождающей причиной) идеального, но, оказываясь в пространстве деятельности многих субъектов, оно приобретает интерсубъективный характер, а также объективизируется, обретая устойчивые закономерности своего существования и дальнейшего развития, относительно независимые от конкретных действий отдельных акторов. Так, система эволюционных принципов – эволюционная парадигма – направляет развитие различных наук и мировоззрения, невзирая на неприятие этой парадигмы отдельными людьми или сообществами. Теория радиоактивности влечет определенные следствия теоретического плана и включает возможность определенных практических приложений независимо от воли своих создателей, а инициирование тех или иных практических приложений ограничивается и направляется текущим техническим потенциалом, общественным запросом, состоянием экономики и общественных отношений и пр., а не исключительно желаниями тех или иных акторов. Тем не менее действия людей важны, и чем более они осознанны, чем в большей степени опираются на понимание текущего исторического момента и вскрытие в нем не очевидных на первый взгляд характеристик и потенциалов, тем большее влияние способны оказать на исторический процесс. Еще большими эффектами будет обладать целенаправленная согласованная деятельность многих людей.

Обозначенное видение исторического процесса накладывает на субъекта определенные обязательства. Эти обязательства тем значительнее, чем больше он включен в процессы со-

циального и культурного воспроизводства, чем больше у него возможностей и личных данных, позволяющих организовывать других людей и вести их за собой. Тяжесть бремени связана не только с объективными критериями, но и с осознанием своей роли и готовностью ее играть (или миссии и готовности ее принять – опять-таки в зависимости от того, как человек понимает тот социокультурный функционал, который возлагает на него профессия или род занятий или особые таланты, которыми он обладает).

Будучи ученым-гуманитарием, автором текстов, преподавателем и экспертом, российский философ включен в названные процессы, но может не фокусировать на этом внимание, относясь к своей деятельности как к работе – способу приобретения социального статуса и зарабатывания денег путем исполнения не им придуманных обязанностей. Здесь проявляются те самые ножницы между профессией и призванием ученого, которыми в последние годы в связи с юбилеем одноименной лекции М. Вебера прицельно заинтересовались многие отечественные философы². В основном проведенный коллегами анализ строится вокруг общих для мировой науки трансформаций – ценностных, коммуникативных, организационных. Однако для отечественной науки важен и фактор социально-исторического опыта последнего столетия. Этот опыт не очень способствует позиционированию ученым себя как того, кто готов принять ответственность за общественное развитие, т. е. за формулирование целей этого развития. Риторика научного сообщества в значительной части строится не от предложения и обоснования таких целей, а от сетования на то, что власть не ставит перед ним адекватных задач, не выступает заказчиком крупных проектов и демонстрирует пренебрежение наукой. Как будто ученые боятся оклика «А вы что, всех умнее?..» и необходимости отвечать утвердительно не только словами, но и действиями.

Ученому по призванию не пристало быть скромным. Ему требуется быть самокритичным, но подвергая результаты своей деятельности сомнению, то есть проверкам и обоснованию, он должен помнить, для чего сомневается. Он призван дать человечеству кусочек твердой почвы под ногами (пусть через годы эта твердая почва перестанет быть таковой и люди уйдут на новые земли). Твердая почва – это научные знания: о достоверных фактах, универсальных закономерностях, надежных способах действия. А еще это знания о сложности природы и человека, о пределах рационализации, о подвижных, но всегда имеющих границы познания и деятельности. То есть, как ни парадоксально, твердая почва – это не только нечто зафиксированное в качестве несомненного, но готовность расставаться с несомненностью, критически относиться к основам, пересматривать их и навыки реализации такой критической установки. Наука развивается от идеала выхода на огромное просвечиваемое солнечными лучами горное плато несомненности к реальности лесных чащ, топей, горных рек и водоворотов. Но и в этом мире поиск земли под ногами не теряет смысла, хотя становится сложнее, а его результаты – неоднозначнее. Это не принижает миссии ученого, наоборот, требует от него большего – большей смелости, большего терпения, большей целеустремленности и стойкости, позволяющих не сдаваться в ситуации череды неудач. Все сказанное справедливо и в отношении ученого-обществоведа и ученого-гуманитария. Более того, от представителя социогуманитарного знания в большей степени ждут исполнения роли публичного интеллектуала, то есть того, кто говорит от имени разума.

Кто-то имеет душевные силы выбирать только профессию, кто-то способен выбрать призвание. И речь может идти о любом виде деятельности – науке, учительстве, медицине, даже строительстве. Однако призвание зачастую глубоко инкорпорировано в профессию и актуализируется в профессиональной деятельности независимо от персонального желания/нежелания и осознанного выбора. Так, призвание человека науки – не просто заниматься производством научных знаний, но продуцировать знания, обеспечивающие духовный и материальный прогресс человечества, – со всей очевидностью реализуется, когда уче-

² См., например, дискуссии в журналах «Вопросы философии» (2019, № 8) и «Эпистемология и философия науки» (2019, № 3).

ные становятся экспертами и включаются в процессы принятия решений. Общественное служение в данном случае – не выполнять некритически государственный или социальный заказ, но сознательно включаться в общественные процессы, оставаясь при этом ученым.

Когда я задумываюсь о своей личной судьбе как философа и о судьбе своего поколения, передо мной встает обозначенный ряд проблем. Поколение тридцатипятилетних (плюс-минус несколько лет) – это все еще молодые и одновременно уже не совсем молодые ученые. За плечами у каждого насыщенный отрезок профессионального пути, вместивший такие важные этапы, как самоопределение, поиск собственных исследовательских тем, формирование своего исследовательского стиля, обретение учителей, коллектива и коллег-соратников, первые, а затем и вторые и третьи значимые результаты. У большинства есть семьи, сеть социальных связей и человеческих обязательств, гражданская позиция. И все-таки у нас, взрослых и состоявшихся людей, впереди не сколько не менее, а скорее и более насыщенные этапы реализации того, что было аккумулировано, продвижения по тем направлениям, которые были выбраны, развитие того, что было присвоено. В итоге получается своеобразная смесь опыта и открытых горизонтов, сделанного и предстоящего, зрелости и еще юношеского задора включаться в новые для себя проекты. Поэтому это одна из тех точек на жизненном пути, когда хочется (и нужно) остановиться и задуматься, откуда ты пришел и куда идешь. Для меня очевидно, что философ будет размышлять об этом с учетом проговоренных выше вопросов профессионального призвания и конструирования исторического времени, в которое он включен (но, может быть, из которого и выпал).

Таким образом, для меня разговор о поколениях – разговор прежде всего об историческом времени и историческом процессе, а тематика профессионального поколения (в моем случае поколения философов, становление которых пришлось на 2000-е гг.) неотделима от более широких по постановке проблем – вопроса о поколении миллениалов в российской науке и о российском поколении Y в целом. Понятие поколения в качестве теоретического конструкта, инструмента осмысления и упорядочивания собственного опыта и опыта других я рассматриваю в данном случае как историческое и историософское понятие, неразрывно связанное с проблемами преемственности, исторической памяти, роли личности в истории, соотношения индивидуального и коллективного субъектов исторического процесса. Тот факт, что я не являюсь социальным философом, делает меня дилетантом в исследовании вопросов такого рода. Поэтому я буду опираться на личный опыт и те интуиции, которые возникают у меня в процессе его анализа, и поэтому я не претендую на всестороннее и глубокое рассмотрение темы специфики поколения российских философов-миллениалов. Мое видение и моя оценка будут даны из определенной перспективы, о которой следует сказать отдельно.

Несовременный миллениал

В процессе продумывания вопросов и ответа на главный – каково оно, философское поколение, к которому я принадлежу, – я убедилась, что не являюсь подходящим кандидатом на роль не то что судьи, но и свидетеля (как включенного, так и стороннего) процесса формирования «моего» философского поколения. Дихотомия количественного и качественного подходов к пониманию природы поколений – позитивистского и романтического, по определению К. Мангейма – отражает амбивалентность самого феномена. С одной стороны, речь идет о демографической категории: именно общность возраста определяет то, что люди оказываются в одинаковых жизненных обстоятельствах в близкие периоды своего психологического и личностного развития, и то, что их опыт оказывается схожим, помимо этого, возрастные группы – одни из основных коммуникативных контуров наравне с семейными и профессиональными. С другой стороны, демографическая база значима не сама по себе, а в силу того, что она, как становится ясно из сказанного, формирует социокультурную общность людей. Поэтому принадлежать к поколению означает не только «быть такого-то возраста» (ко-

личественный критерий), но «иметь соответствующий опыт» и «разделять соответствующие ценности и установки», т. е. «чувствовать себя частью поколения» (качественный критерий). Можно говорить в духе противопоставления внешнего, объективного, обсчитываемого времени и качественного, внутреннего времени, которое, как отмечает К. Мангейм, «нельзя измерить, а можно лишь испытывать в чисто качественном отношении» [Мангейм 2000: 14].

Оценивая собственный опыт с обозначенных выше позиций, могу сказать, что у меня нет ярко выраженного чувства моего поколения. Не знаю, заключается ли причина этого в моей отщепенности или же в разобщенности самого поколения. Я не раз слышала от новых знакомых удивление по поводу моей «несовременности», «олдскульности» или «олдскульной интеллигентности».

Еще с подростковых времен лейтмотивом моего чувства исторического времени и позиционирования себя в этом времени стали цветаевские строки «Поколенья! Я – Ваша! / Продолженья зеркал». Причина, думается, в том, что мое формирование как личности и будущего философа шло во многом в оппозиции внешней среде, прежде всего в домашнем, семейном кругу, где я была фактически единственным представителем своей возрастной группы, а мои двоюродные братья были намного старше меня. Интеллектуальный тон моей семейной среды определялся моей мамой Татьяной Николаевной Гращенковой, тоже философом, а также не очень частым, но очень ярким и любимым гостем – тетей Викторией Николаевной Гращенковой, человеком острого ума и огромной харизматичности. Сестры, каждая из своего жизненного и исторического опыта, разделенного 18-летней разницей в возрасте, знали, что в условиях враждебного социального окружения и социальных потрясений минимум того, что человек может и должен, – это сохранить себя и свою фамилию (на практике сохранение себя включало и сохранение естественной отзывчивости и человеколюбия, когда рука помощи протягивалась с щедростью, а и в иные времена и огромной смелостью). Значение семьи имело, безусловно, и восточные – еврейские, грузинские и армянские – корни. Тем более что в большой семье, связанной не только узами кровного родства, но и собственно семейными (когда мать сводной по отцу сестры – это тоже член семьи), было кем и чем гордиться. Так складывалась непоколебимая уверенность, что внутри семьи все правильно, и если за ее пределами что-то происходит несообразно, то это *несообразие* – настоящие *безобразие* и *неправильность*. (С развитием критического мышления я убедилась в верности этой наивной некритической установки в целом, но, к сожалению, не в деталях, что заставило меня осознать, что большие семьи сами собой не формируются и для их сохранения нужны нешуточные усилия. Впрочем, это – тема уже совсем другого разговора.)

Возвращаясь к цветаевским строкам, могу сказать, что поколение, с которым я чувствую преемственность, – это шестидесятники. Вместе с тем качественное переживание времени у меня все-таки несколько иное, чем у шестидесятников. Я наследую мировоззрение своей мамы, которая и по возрасту, и по умонастроению олицетворяет момент перехода от шестидесятников к так называемому поколению застоя [Радаев 2018: 15-33]. Думаю, взрослей мама в иной среде и атмосфере или будь она менее смышленной девочкой, не стань она свидетелем ареста своего деда или не пойми без всяких специальных разъяснений значение смерти Сталина и XX съезда КПСС, не читай она подростком газеты с карандашом и не поживи немного в иной культурной среде (за пределами Советского Союза), она, возможно, стала бы типичным представителем поколения застоя. Однако повзрослев чуть ранее положенного, мама превратилась в не успевшего окончательно сформироваться шестидесятника, оказавшегося в атмосфере застоя. Это предопределило ее латентное неприятие системы и неприятие системой ее, что вылилось в своеобразную внутреннюю эмиграцию – уход в личное и семейное пространство, когда исторические события по большей части рассматривались с позиции наблюдателя, вовлеченного эмоционально и интеллектуально, но ограниченного в действиях. В профессиональном плане это выливалось в стремление идти своим путем и не идти на компромиссы, обесмысливающие всю работу.

Я переняла у мамы как идеализм шестидесятничества, так и готовность сохранять этот идеализм в ситуации его полной не востребованности, причем скорее латентно, чем проактивно. На это наложились и фамильные особенности – доставшаяся от двух поколений врачей та почти органическая вера в гуманистические принципы, которая делает излишней всякую религиозность как нравственный регулятив, и секуляризированный иудейский стоицизм, отличавший моего прадеда Соломона Исаевича Волоха и мою бабушку Беатрису Соломоновну. С одной стороны, всё это вроде бы универсальные, вневременные ценности, с другой – возможно, именно такая универсальность делала и делает меня не очень-то современной, превращая в значимые – события, незначимые для моих сверстников, или предопределяя оценку событий, разнящуюся с той, какую давали мои одноклассники, однокурсники или коллеги.

В силу обозначенных личных обстоятельств мне, возможно, легче почувствовать специфику поколения философов – шестидесятников и семидесятников, хотя это «чувствование» не делает меня экспертом и не дает права на какие-то выводы. Скорее оно говорит о той живой заинтересованности, вовлеченности и страстном порыве присягнуть на верность, которые так замечательно выразила Марина Цветаева. Для меня историческое прошлое никогда не выступало как нечто противоположное настоящему или как нечто ушедшее, умершее, нереальное. Прошлое было зачастую не менее реальным, люди, с которыми мне не повезло встретиться, – не менее реальными, чем те, с которыми я общалась, события, случавшиеся не со мной и давно минувшие, волновали не менее современных и непосредственно меня затрагивающих. Прошлое ничуть не менее настоящего было непосредственно меня касающимся – в силу моего отношения к нему и его влияния на меня – мой образ мысли и мои действия. Такая увлеченность и вовлеченность в прошлое были усилены благодаря тому коллективу, в который я пришла работать, – сектору теории познания Института философии РАН. Истины ради надо сказать, что сыграл свою роль и другой коллектив, тоже умеющий сохранять память о былом, – редакция журнала «Вестник РАН», в котором я проработала более восьми лет, а «дружила» с ним намного дольше. Но в большей степени это характерно для сектора – коллектива с долгой, непростой и – не побоюсь быть высокопарной – славной историей. В нашем секторе не просто хранят память о прошлом, но не позволяют прошлому стать прошедшим, делают все, чтобы оно продолжалось в настоящем – и не в качестве реликтов, но в качестве истоков, причин и фундамента настоящего, которые невозможно не видеть, а также, что еще более важно, в качестве того, что, являясь прошедшем во временном плане, не является прошедшим по своему значению и актуальности. Это умение видеть – подчеркну, не извращая и не притягивая за уши – в концепциях полувековой давности удивительную современность и релевантность текущим проблемным дискуссиям.

В последние годы для меня становится всё очевиднее: то, что получило название философской оттепели, – почва, на которой я стою, хотя свой путь в философии я начинала с исследования австрийско-британского философа К. Поппера. Сегодня могу с уверенностью сказать, что ни одно из направлений зарубежной мысли не стало той традицией, с которой я могу себя однозначно отождествить, хотя основные принципы критического рационализма всецело разделяю и влияние этой школы на меня очень велико (это видно из того, как я понимаю процесс научного познания). Одновременно я четко понимаю, что для меня актуальны те дискуссии, которые были инициированы в разное время старшими коллегами, я работаю в тех проблемных полях, которые разрабатывались ими. Я не считаю это некоей местечковостью, хотя бы потому, что та работа, о которой я говорю, вписана в мировую философскую перспективу, по крайней мере в области теории познания и философии науки. В чем-то это критический анализ и полемика, в чем-то параллельное и на удивление созвучное развитие при решении одних и тех же или схожих проблем, а в чем-то оригинальная разработка близких философских интуиций [Пирожкова 2018: 1039–1049].

Тем, что для меня оказывается возможным проследить преемственность моей собственной работы с деятельностью философов, начинавших свой профессиональный путь в поздне-сталинский период, я обязана своим учителям, разумеется, прежде всего Владиславу Александровичу Лекторскому, и своим родителям. Именно благодаря родителям мое приобщение к философской среде определялось теми ценностными и нормативными регулятивами, которые были характерны для их времени, и равнялась я тоже на философов старших поколений, а не на своих старших сверстников. Эта особенность усилилась в студенческие годы, когда я пришла учиться на философский факультет Государственного университета гуманитарных наук (ныне ГАУГН). Среди преподавателей было довольно много настоящих мэтров отечественной философии, с которыми, тем не менее, сразу выстраивались рабочие отношения, минимально предполагавшие статусную дистанцию. В аудитории, как и после лекций, академики, профессора и доктора были открытыми для общения и заинтересованными в твоём интересе преподавателями и наставниками, а вовсе не небожителями. Более молодые преподаватели, безусловно, вызывали, скажем так, социальный интерес – они были источниками не только профессиональных знаний, но и социальных компетенций, недавнего опыта построения собственной карьеры. Для меня существовало несколько примеров того, как точно не надо эту карьеру строить (называть этих людей я, разумеется, не буду), и примеров, которые можно было приложить к себе. Наверное, самыми вдохновляющими стали Светлана Викторовна Месяц и Юлия Вадимовна Синеокая.

Со Светланой Викторовной мы встретились на первом году моего обучения, в самом первом семестре, более того, если память мне не изменяет, на второй день занятий. Светлана Викторовна вела у нас, первокурсников, семинары по античной философии, чуть ли не самые яркие семинарские занятия за все университетские годы. Передо мной сразу возник пример того, как можно заниматься философской классикой в начале 2000-х гг., насколько это интересно и самоценно, сколько всего ещё можно и нужно сделать в этой области. В моём понимании это был образец академического ученого, который я пыталась примерить на себя и понять, насколько мне это подходит.

С Юлией Вадимовной Синеокой я познакомилась в предпоследнем семестре, передписанием диплома и периодом принятия решения относительно поступления в аспирантуру. К тому моменту мне стало казаться, что академическая карьера – это не совсем то, чему я смело могу отдать жизнь. Проблема была в том, что такую карьеру я понимала довольно узко, неадекватно представляя те возможности, которые открываются перед академическим ученым, в том числе философом. Юлия Вадимовна поспособствовала разрушению этих стереотипов, не специально, а просто ведя курс по философии Серебряного века. Своими сомнениями я ни с кем не делилась и советов не спрашивала, я просто наблюдала и увидела (сейчас не могу не улыбнуться по этому поводу: наконец-то!) возможность для философа в новом тысячелетии быть не только кабинетным ученым, но выступать в роли как минимум публичного интеллектуала, а может быть и совести нации (да простит меня читатель за очередную высокопарную формулировку!). Тут сыграли свою роль и обсуждения сборника «Вехи» на лекциях, и приглашение на какие-то интеллектуальные мероприятия, в организации которых Юлия Вадимовна участвовала. Впрочем, в дальнейшем я парадоксальным образом развивалась преимущественно как кабинетный ученый (которого жизнь, правда, иногда вытаскивала и на площади), но сама возможность чего-то большего стала определяющей для моего выбора профессионального пути.

Миллениалы в науке и философии

Только сделав все оговорки и пояснения, я могу говорить о себе, во-первых, как о миллениале, во-вторых, как о философе-миллениале. Согласно поколенческому подходу, ключевым для понимания специфики того или иного поколения является период 15/17–25 лет, когда человек и наиболее пластичен, восприимчив к окружающим событиям, и одновремен-

но вынужден принимать решения (неважно – активно или пассивно), которые будут определять траекторию его дальнейшей жизни. К. Мангейм подводит под этот исследовательский принцип эпистемологическое обоснование.

Сознание людей, – пишет он, – в структурных терминах, характеризуется специфической внутренней «диалектикой». Для его формирования очень важно, какому опыту случилось произвести важнейшие «первые впечатления», «детские переживания», а какой последующий образовал его второй, третий и т. д. «слои». <...> Ранние впечатления обычно срываются в кругозор, характерное мировосприятие, – исходя из которого осмысливается весь поздний опыт, – в подтверждение и исполнение сложившегося мировосприятия или как его отрицание, антитеза. В ходе жизни опыт не аккумулируется посредством процесса суммирования или накапливания, а «диалектически» артикулируется вышеописанным образом [Мангейм Указ. соч.: 32].

Важен и момент формирования рефлексивной установки, а следом – практики осознанного выбора: «Возможность действительно озадачиваться, раздумывать появляется только лишь в тот момент, когда начинается собственное экспериментирование с жизнью, – где-то около 17 лет, иногда несколько раньше или позже» [Там же: 34]. Эмпирическую базу под этот эпистемологический подход подводят, в частности, Г. Шуман и Ж. Скотт, зафиксировавшие, что лучше всего запоминаются те исторические события, которые человек наблюдает в возрасте 11-25 лет [Shuman 1989: 359-381].

Ю. А. Левада в самом начале нулевых включал миллениалов в поколение рожденных во второй половине 1970-х – 1980-х гг. Это поколение он характеризовал как тех,

...кто не только свободен от «советского» наследия и памяти о нем, но свободен и от переломов, ожиданий и разочарований последних 15 лет, от борьбы за какие бы то ни было социальные цели. Они ничего не выбирали и тем более не завоевывали, им ни к чему не нужно приспособливаться. Они получили в готовом виде политические и экономические «стены» своего дома и озабочены лишь тем, как удобнее в нем устроиться. Они в основном привержены существующему «рынку» и ограниченному политическому разнообразию, но не потому, что предпочли их каким-то другим порядкам, а просто потому, что ничего другого не видели. Отсутствует у них восприятие социального прошлого как объекта принятия или отторжения, это прошлое, прежде всего советское, просто незначимо для них. По сути дела, это первое за столетие поколение прагматиков, лишенных исторической (институционализированной) социальной памяти [Левада 2001: 14].

Весьма близкую характеристику получает В. В. Семенова на основании обобщения характеристик, которые даются респондентами своему поколению: родившиеся после 1985 г. отличаются прагматизмом и ориентацией на личный, а не коллективный успех [Семенова 2005: 102-105]. Оценка довольно резкая, но, по моему мнению, довольно справедливая и релевантная по крайней мере для раннего этапа жизни тех, чье взросление пришлось на конец 1990-х – начало 2000-х гг.

Российские миллениалы, включая меня, выросли в ситуации перехода от десятилетия социальной нестабильности к десятилетию активно провозглашаемой стабильности и реального повышения уровня жизни. В разной степени мы еще застали период безденежья и неопределенности будущего, но с начала 2000-х гг. ситуация стала выправляться, а перспективы рисовались и вовсе обнадеживающие. Миллениалы получили возможность в большей степени сосредоточиться на образовании, а не на поиске возможностей раннего выхода на рынок труда, а выход на рынок труда стал открывать все больше возможностей, работу зачастую можно было совмещать с учебой, а уровень оплаты позволял не только выживать, но и делать жизнь все более комфортной. Формировалось прогрессистское и опти-

мистическое мироощущение одновременно с сохранением ориентации прежде всего на построение собственной жизни, а уже затем – включением в построения жизни общественной,

Сосредоточенность на себе и собственной жизни, судя по результатам имеющихся исследований, характерна не только для российских миллениалов. Американский психолог Дж. Твендж показывает в своих работах, что в целом для последних поколений характерен сдвиг от переживания значения общности некоторой группы, к которой принадлежит индивид, к переживанию собственной ценности, значения своей индивидуальности. Миллениалов Твендж называет поколением Я, или Я-поколением (*generation me*) [Twenge 2014], тем самым подчеркивая, что социальный мир индивида выстраивается вокруг него, а не некоторого коллективного субъекта. За счет этой особенности можно объяснить такие приписываемые миллениалам черты, как нежелание быстро взрослеть, социальный эгоизм, потерянности, неспособность принимать судьбоносные решения [Радаев 2019]. Однако возможность концентрироваться на саморефлексии, а не на вопросах выживания, остро задаваемых неблагоприятными социальными условиями или историческими катаклизмами, не обязательно приводит к негативным последствиям. Растерянность перед необходимостью выбирать самому и инфантильность имеют и позитивный аналог – опыт самостоятельного принятия решений, жестко не предписываемых обстоятельствами, формирует зрелую личность, а осознание множества возможностей делает человека более пластичным. Заикленные на себе люди зачастую обнаруживают выход в социальных контактах и общественно полезной деятельности, становясь активными гражданами. Отказ от окончательного выбора жизненной стратегии или профессии, которой нужно посвятить всю жизнь, превращается в преимущество в динамично меняющемся мире, где компетенции быстро устаревают и нужно постоянно осваивать что-то новое, переучиваться, расставаться со ставшими привычными ролями.

Для Я-поколения, по всей видимости, существенны изменения форм передачи и распространения информации. На протяжении моей жизни произошла настоящая революция, во-первых, в способах и объемах потребления информации – от школьного класса информатики без выхода в Интернет к доступу ко множеству источников и возможности формировать персональную линейку, во-вторых, в возможностях распространения информации – от узкого круга друзей и родственников к пластичной аудитории аккаунтов в соцсетях и аудитории различных сетевых СМИ. Сегодня довольно легко стать культурным героем, пусть и локальным. Ощущение же собственной значимости может переживаться и нарциссически, и критически, и с чувством вседозволенности, и с чувством ответственности.

Прагматизм и нацеленность на личное благополучие делало профессию ученого в первые годы нового тысячелетия не особо популярной среди российских выпускников, а уж философский факультет, на который я собралась подавать документы в 11-м классе, воспринимался моими друзьями и приятелями как нечто экзотическое. Разница в реакции на промежуточный вариант с историческим образованием или мечту стать журналистом, реализацию которой я «поставила на паузу» где-то на рубеже 2002-2003 гг., меня весьма забавляла – никто не понимал, чему можно учиться на философском факультете и, главное, чем можно заниматься, получив такое образование. Универсальным ответом стало «буду преподавателем», хотя преподавать я особенно тогда не собиралась. Как, впрочем, и строить карьеру профессионального философа.

На философский факультет ГУГНа большинство абитуриентов пришли за гуманитарным образованием широкого профиля, а не движимые сознательным желанием стать учеными-гуманитариями. Несмотря на «философское происхождение», я также пришла на философский факультет за образованием, а не профессией, то есть не для того, чтобы стать философом, а для того, чтобы получить диплом гуманитарного вуза и определиться, как говорится, в процессе, в какую сферу пойду работать. В поисках такого гуманитарного образования я сначала остановила свой выбор на историческом факультете, но родителям удалось меня убедить, что если историком я себя точно не вижу, то лучше выбрать более широкую спе-

циализацию. Поскольку ни историком, ни вообще ученым я себя не видела, пришлось задуматься о философском факультете. Говорю «пришлось», потому что мне весьма не хотелось идти по стопам родителей. В подобном решении мне виделся то ли конформизм, то ли выбор самого легкого пути из возможных, то ли кажущееся отсутствие самостоятельности и свидетельство зависимости от точки зрения родителей, которые, разумеется, видят свое чадо продолжателем своего дела и реализатором того, что они не успели или не смогли в этом деле добиться. Кроме того, как-то особенно сильно философией я не интересовалась, философских книжек особенно не читала, тяготеея к чтению газет и общественно-политических журналов, изредка – статей по социально-политической тематике в журналах, где работали мама и папа, – «Вопросы философии» и «Вестник РАН». Интерес к социально-политической тематике и юношеский порыв сделать по-своему заставили меня всерьез выбирать между философским и политологическим факультетами, когда я уже приняла решение поступать в ГУГН. Но тут аргументы родителей были слишком весомыми: имея философское образование, можно стать политологом (для начала выбрав специализацией политическую философию), а вот обратный переход осуществить уже сложнее.

Не могу не оговориться, что по прошествии лет я понимаю: первоначальное, доуниверситетское философское образование я все-таки получила, и было оно отменным. Только это была, скажем так, устная, а не письменная традиция. Шутливо можно сказать, что это образование совершалось в формате философских разговоров на кухне. По факту же оно происходило непрерывно в ходе моего общения с мамой, а предметом было все на свете – от книг и фильмов до событий в школе. Мама на все смотрела под особым углом, под которым другие люди не смотрели, и обсуждала все так, как другие не обсуждали. Например, объяснения и оценки учителей истории, литературы или обществознания были по сравнению с мамиными какими-то плоскими и никогда не отличались особой аргументацией. А главное, с мамой можно было спорить сколько душе угодно и у мамы всегда было для меня время, даже в самые непростые периоды ее жизни.

Возвращаясь к содержанию предыдущего раздела, замечу, что интерес к определенной философской тематике сформировался у меня именно в доуниверситетский период под маминым влиянием. Правда, на третьем курсе, определяясь со специализацией, я выбрала не живо интересующие меня антропологию, русскую или социально-политическую философию, а то, что казалось наиболее для меня сложным, а потому требовало больших усилий, – теорию познания. Помню, моя аргументация поначалу озадачила однокурсников, но в итоге было признано, что она не лишена смысла. Кроме того, было еще три года, чтобы уточнить свой выбор. Но уточнять не пришлось, потому что первая курсовая удалась, а К. Поппер заразил меня восторженным интересом к науке и тем, как он увязывал теоретико-познавательную и социально-философскую проблематику (об этом очень хорошо написал в свое время Владислав Александрович Лекторский [Лекторский 1995: 27-36]). Хотя «заразил» не точное определение. Пиететом к науке и ученым я тоже была обязана во многом маме, а также тете и памяти о моем дедушке. Николай Иванович Гращенков, член-корреспондент РАН и академик РАМН, был не только практикующим врачом и организатором медицины, но и, что сейчас кажется особенно символическим, философствующим ученым, в начале 1960-х гг. работавшим с тематикой, которую сегодня можно определить как философские проблемы когнитивных наук, и опубликовавшим несколько соответствующих работ, в том числе в журнале «Вопросы философии» [Гращенков, Латаш, Фейгенберг 1962: 36–49; Гращенков, Латаш 1964: 59–70; Гращенков, Латаш 1966: 350–365]. Поэтому в семейном кругу равно ценились как *science*, так и *humanities*, и корни этого отношения вели к дедушкиному пониманию науки и ее внутренней структуры.

Как бы то ни было, в итоге по специализации я неожиданно для родителей выказала себя скорее папиной, чем маминой дочкой. Удачный опыт исследовательской работы, открытие для себя тематики, вызывающей страстный интерес и отвечающей взаимностью, и обре-

тение учителя и наставника – Владислава Александровича Лекторского, близкого по духу, по волнующей проблематике и по широте постановки исследовательских задач, – эти три фактора сыграли решающую роль в выборе карьеры философа-исследователя. Добавлю, что очень важным был не только человеческий контакт с Владиславом Александровичем, но и в целом стиль его работы со студентами и аспирантами. Поддержка и доброжелательность сочетались с неизменным вниманием к собеседнику и отсутствием давления, что и мотивировало, и формировало исследовательскую самостоятельность и ответственность.

Хотя большинство моих однокурсников не собиралось связывать жизнь с философией, в процентном отношении в профессии осталась значительная доля курса. Кто-то двигался к этому целенаправленно, у кого-то так или иначе «все сложилось». В любом случае в 2008 г., да и в 2011-м, когда мы заканчивали аспирантуру, такой выбор был по-прежнему не очень популярным в нашей поколенческой среде. Меньше чем за десятилетие ситуация в науке в целом и в Институте философии РАН в частности изменилась радикально. В последнее время я люблю повторять, что в 2012 г. пришла работать в советский по духу НИИ (а с 2003 г. при нем же шел процесс моего приобщения к профессии, поскольку территориально факультет располагался в здании института, и некоторые студенты уже тогда устраивались на лаборантские ставки), а уже в 2018 г., когда проходила свой третий конкурс на занятие должности научного сотрудника, получила трехлетний контракт в научном учреждении, отличавшемся совершенно иным ритмом работы и настроением. «Советский» академический дух, каким он встретил меня в конце нулевых – начале десятых, с его неторопливостью и в хорошем смысле традиционализмом, пусть и не сменился окончательно, но был существенно разбавлен прагматическим и деловым духом. Кто целенаправленно, кто исподволь, кто с удовольствием, кто нехотя, кто активнее, кто оставаясь в стороне от магистрального потока, но все академические сотрудники так или иначе включаются в конкурентную, динамичную и все более непредсказуемую практику. В новой атмосфере миллениалам с определенными оговорками, но все же комфортнее, чем в старой, прежде всего потому, что она соответствует той жизни, которая идет за стенами научного учреждения.

Миллениал в отечественной науке и в философии стал свидетелем описанной кардинальной смены и, в отличие от более молодых коллег, может сравнивать то, как было, с тем, как стало. Одни и те же события, разумеется, получают различную оценку, но в целом она скорее позитивная, перемены интерпретируются как необходимые, что не исключает критику того, как именно они происходят, и различных негативных последствий. Поскольку миллениалы приходили в науку, когда перспективы научной карьеры были не столь радужны, как сегодня, их выбор зачастую был более взвешенным и опирался больше на идею призвания, чем построения карьеры. И все-таки карьерный успех для большинства значим и желателен. Для моего поколения (говоря о российской науке в целом) открылась возможность очень рано переходить на руководящие должности, что, как мне кажется, формирует некоторую антиномичность: с одной стороны, миллениалы пытаются привнести в научную коммуникацию и организацию научного процесса что-то новое, улучшить и усовершенствовать его, с другой стороны, обнаруживается, что во многом они говорят со старшим поколением на одном языке и если не разделяют, то готовы принять (по крайней мере, в текущий момент) многие из существующих правил игры, норм и форматов научной деятельности. Такое положение вещей опять-таки имеет вполне очевидные плюсы и столь же очевидные минусы, которые сглаживаются там, где старшее поколение оказывается не менее открытым новациям, чем младшее.

Все перечисленное показывает, насколько далек миллениал от шестидесятника. Стартуя из не самого благополучного для страны и ее граждан времени, миллениал в итоге обнаруживает существующий порядок относительно благоприятным и встраивается в него. Он погружен в текущие дела и кратко- и среднесрочные планы и склонен скорее приспособливаться к среде, чем с ней бороться или стремиться ее изменить решительными действиями. Тем не менее миллениал

имеет возможность воздействовать на среду, совершенствовать ее – не революционно, а эволюционно – и активно этим пользуется. Миллениал настроен прагматично и реалистично, то есть отчасти цинично и пессимистично в отношении высоких идеалов и их реализации. Мое мировоззрение в соответствии с этим неизбежно амбивалентно: я функционирую как миллениал, причем не столько подстраиваясь, сколько по большей мере разделяя и прагматизм, и стратегию постепенного преобразования уродливых форм изнутри, но одновременно остаюсь верной принципам, ригористское следование которым требует несколько иной жизненной стратегии.

Философские поколения

На примере истории отечественной философии последнего столетия видно, что поколенческий шаг довольно неравномерен и не укладывается в априорно определенный промежуток времени. Такова аритмия истории, создающая, например, разрыв между философами-фронтовиками, к которым принадлежал Эвальд Васильевич Ильенков, и философами, получившими образование в первой половине 1950-х гг., к которым относится Владислав Александрович Лекторский. Этот разрыв возникает в связи с разным опытом войны и тем, что в середине 1950-х философы-фронтовики распахнули форточку, впуская струю критического мышления в догматическую неподвижность аудиторий философского факультета МГУ, а их студенты на протяжении последующих десятилетий упорно противились тому, чтобы оказаться запертыми в той же идеологической духоте. Вместе с тем, с точки зрения социологии поколений, эти два поколения принадлежат к одному [Левада 2001], да и по воспоминаниям Владислава Александровича можно понять, что отношения между молодыми преподавателями и, скажем так, чуть более молодыми студентами, а впоследствии коллегами были скорее товарищескими и какого-то поколенческого разрыва в привычном понимании между ними не было. Можно сказать, что между этими поколениями существовал и не разрыв даже, а своеобразный зазор, дистанция, которая легко преодолевалась. Зато явно существовал разрыв традиций не в диахронии, а в синхронии. Эти два поколения, как и следующее за ними, оказались в довольно непростой атмосфере неоправдавшихся надежд и оттепели, превратившейся в застой. Однако Рубикон в истории советской философии в конце 1950-х – начале 1960-х гг. был перейден, «бацилла» критического, а значит, свободного мышления заразила достаточное число талантливых людей, чтобы советская традиция распалась на серый официоз и яркую творческую мысль. Таким образом, поколения оказались внутренне разобщены, и эта разобщенность наследовалась из десятилетия в десятилетие.

Приведенный пример, во-первых, показывает справедливость подхода К. Мангейма, предлагавшего выделять в поколении секции, а в одной эпохе видеть не общий дух, а тенденции, связанные с так называемыми энтелехиями поколений – специфицирующими поколения типами миропонимания и мироощущения, делающие данную общность тем, что она есть. Во-вторых, попытка выделить различные философские поколения в отечественной философии за последние 70 лет указывает на ограниченность любых периодизаций. Это не означает, что от периодизаций надо отказаться. Подобное и невозможно, ведь тогда придется отказаться не только от истории как науки, но от любой формы рационализации человеческого опыта. Это лишь означает необходимость удерживать понимание неабсолютности выбранных критериев. Так, деление исторического процесса на столетия, воспринимающееся нами как естественное и очевидное, по сути является волюнтаристским [Шанин 2005: 18]. Осознание этой произвольности не требует немедленного введения иного принципа членения исторического процесса, но расширяет рамки анализа, позволяя, например, говорить о коротком XX в. [Хобсбаум 2004]. Длительность исторического – а не хронологического – столетия определяется исторической динамикой, формируемой историческими событиями. Аналогично и в случае поколений – как социокультурного, а не демографического феномена – одно будет коротко-, а другое долгоживущим. В зависимости от того, какие историче-

ские события нас интересуют, поколения будут дробиться или, наоборот, укрупняться, какие-то поколенческие группы олицетворяют поколение в целом, какие-то – исчезать из поля зрения. Так, философы-шестидесятники – чуть другие, чем поколение тех, кто родился в довоенный период, а семидесятники в той же мере отличаются от шестидесятников, но официозные философы этих же периодов могут существенно не отличаться по своей энтелехии.

Устоявшаяся периодизация продиктована ключевыми событиями: война, послевоенное десятилетие – последнее десятилетие сталинизма, оттепель, начало застоя, когда историческое время замедляется и ускоряется в перестроечную пятилетку, которая сменяется 1990-ми гг. Для философии эти внешние обстоятельства во многом определяют внутреннее содержание – формирование оригинального прочтения марксизма в период философской оттепели, напряженность между официозом и творчеством в брежневское время, снятием идеологических ограничений в перестроечное время и поиском нового лица отечественной философии в последнее десятилетие XX в. В смене философских поколений обнаруживается ритм развития российской философской мысли, смыкающийся с ритмом развития советского / российского общества. Чем оказываются нулевые и десятые годы в этом ряду периодов, каждый из которых тянет на маленькую эпоху?

Выше я очертила научно-организационные рамки философской деятельности, какой я ее застала начиная со времени своего студенчества. Содержательно за эти 15 лет тоже произошли немалые изменения. Не вдаваясь в подробный рассказ, скажу только, что в той области философского знания, в которой работаю я, утвердилось несколько крупных направлений исследований и целый ряд более частных, какие-то направления (как, например, эволюционная эпистемология) сошли на нет. В разработке различной тематики мне видится стремление достичь оптимального баланса между обращением к отечественным наработкам, с одной стороны, и зарубежным – с другой. На глазах философов-миллениалов и с их непосредственным участием происходили и продолжают происходить рост разнообразия и повышение качества исследований, а также их институционализация путем включения в различные программы поддержки отечественной науки. Миллениалы все чаще становятся лицами отечественной философии в публичном пространстве, берут на себя функции руководства как временными, так и постоянными коллективами. Справедливым будет сказать, что философы-миллениалы в моей области – это прежде всего высококлассные исследователи, благодаря своему профессионализму и работоспособности добившиеся больших достижений и интегрированные в разработку той проблематики, исследования которой начинались старшими коллегами. Это рамки, которым с большим или меньшим успехом стремлюсь соответствовать и я, и в этом смысле я в полной мере принадлежу этому поколению.

Можно ли назвать охарактеризованный выше профессионализм энтелехией поколения? Заключается ли судьба поколения миллениалов в том, чтобы утвердить отечественную философию как мощное дисциплинарное направление в семействе наук отечественной традиции и значимую философскую традицию в рамках мировой философии, избегая при этом разрывов в преемственности и актуализируя наиболее перспективные подходы и концепции независимо от места их рождения? Я думаю, что большинство бы ответило, что именно так они видят свою роль в отечественной философской традиции, а многие добавили бы, что стремятся развивать ее не только как академическую дисциплину, но и общественно

Тем не менее мне кажется, что в совокупности такие факторы, как специфика научной работы, в некоторой мере нивелирующая поколенческие различия, особенности смены поколений в отечественной науке в 1990-2000-е гг., а также атмосфера в обществе в целом, благоприятствующая миллениалам, их социализации, начальным этапам самостоятельной жизни и строительству карьеры, сформировали поколение в себе, но не для себя. Однако эта ситуация со временем меняется. Отвечая на вопрос К. Мангейма, «на какой ступени развития и при каких условиях... люди, которые принадлежат к поколению, осознают общность своей ситуации и превращают это осознание в основу коллективной солидарности» [Мангейм 2000: 57],

я без колебаний бы сказала – в условиях, когда поколению приходится становиться субъектом исторического процесса. К поколению 30-летних переходит все больше ответственности за общую судьбу – судьбу твоего коллектива, твоей организации, твоего города, твоей страны, а для философа, который должен обладать видением целого, и за судьбу мегаобщностей – человеческого общества и единства разнообразных культур, составляющих человеческую цивилизацию. Эта ответственность усиливается и благодаря следующим поколениям – нашим ученикам и нашим детям, которые ожидают от нас релевантных ответов на те вопросы, с которыми они сталкиваются и которые не могут решить в одиночку.

Мне можно возразить в том духе, что каждое поколение входит в подобную пору ответственности и, тем не менее, далеко не все берут на себя какую-то историческую миссию. Это так, однако наше время отличается концентрацией целого ряда проблем воистину исторического масштаба. Речь идет не только о технологическом прогрессе, поднимающем множество вопросов как кратко-, так и долго- и долгосрочного мировоззренческого плана. Сущестующая мировая хозяйственная и социально-политическая система также обнаруживает признаки глубоко укорененной нестабильности. Как регулировать экономические процессы в условиях экологического и цивилизационного кризисов? Как противодействовать негативным эффектам экспансии рыночной рациональности на области нехозяйственной деятельности (например, науку)? Как реагировать на распространение антинаучных настроений в обществе, лжеинформации и теорий заговора, подверженность общества манипулятивным техникам? Что противопоставить росту популизма и кризису международных отношений и институтов, отвечающих за их налаживание? Все эти проблемы вкупе со множасьимися вызовами технологического развития проявляются всё острее, и чем дольше они не находят решения, тем выше риск того, что мир накроет волна серьезных потрясений. Это могут быть и отложенные эффекты цивилизационного кризиса, и радикальные социокультурные трансформации, и продолжительная глобальная нестабильность, и прямые военные столкновения уже не локального, как сегодня, характера. Если вспомнить о количестве различного оружия, имеющегося в распоряжении как террористических организаций, так и правительств, новых возможностях нанесения урона противнику, наконец, химическом и ядерном оружии, становится очевидным значение работы не то что по усилению, но просто по сохранению социальной устойчивости. Ученый должен быть включен в эту работу в качестве эксперта и просветителя, того, кто повышает, с одной стороны, обоснованность принимаемых решений, с другой – общий интеллектуальный уровень, высокое качество которого гарантирует от большей части исторических драм. Голос и позиция ученого тем важнее, чем полноводнее и стремительнее становятся потоки не только информации, но и дезинформации. Именно в этой ситуации поколению российских философов-миллениалов, как мне представляется, еще только предстоит оформиться в качестве общности, объединенной общей миссией.

Такая картина может вызвать уже не возражение, а просто улыбку – идеализм и прожектерство, с которыми и спорить нет смысла. Поэтому надо оговориться, что мой идеализм не романтического толка. Я исхожу из того, что для философа, а также для философствующего ученого иной специализации или философствующего художника (писателя, режиссера, композитора) тема качественного переживания своего времени имеет куда большее значение, чем для представителей иных профессий. Философ – хранитель и творец культурных смыслов, поэтому тема поколений здесь так же значима, как в искусстве и общественной деятельности, куда более, чем для науки в целом. Конечно, философ может трудиться в формате кабинетного ученого, занимаясь чисто научными проблемами, в том числе актуальной социальной, этической, антропологической и т. д. проблематикой, беспристрастно и отстраненно решая аналитические задачи. Как ученый философ в принципе может и не выходить за границы такого анализа (таков представитель «нормальной» науки, как ее изобразил Т. Кун). Однако философия не ограничивается необходимостью разработки проблематики, продиктованной внутренней логикой развития философского знания, и экспертизой текущих проблем,

лежащих за границами науки в более широкой области жизни культуры и общества. Я полностью согласна с позицией В. С. Стёпина, выделявшего в качестве одной из важнейших функций философии прогностическую и проектировочную [Степин 1986: 39–53]. Как философ науки, Вячеслав Семенович понимал роль философии в конструировании и разработке теоретических конструкторов (понятий, идеальных объектов) и методологических норм, а затем обобщил это понимание на культуру в целом, закрепив за философией роль созидателя универсалий культуры. В действительности в этом созидании принимают участие и наука, и искусство, но именно философская постановка вопросов, имеющая дело с общими смыслами и предельными категориями, включает такое созидание в число своих основных задач.

Я полагаю, что философ ответственен не только за созидание идей для будущего, но и за распространение идей уже в настоящем. В современном мире важно не только сделать, но и донести, разумеется не навязывая, но терпеливо объясняя. Таким образом, от ученого-миллениала и философа-миллениала во многом зависит то, какой в итоге будет судьба как поколения, так и нынешней исторической эпохи. Тех же, кто искренне уверен, что от него ничего не зависит, я отправляю к первому разделу настоящей статьи.

Подводя итоги

Думаю, читатель, ожидавший от моего текста каких-то откровений о философах-миллениалах, разочарован. Но я не обещала таковых. Я обещала лишь анализ своего опыта и построение некоторых гипотез, претендующих на универсальный характер, причем с учетом более широкого социокультурного контекста. И поэтому (в том числе с учетом результатов мировых исследований поколенческой тематики) свойственное мне отсутствие ощущения своей причастности к некоторой общности, объединяемой общими ценностями, целями или судьбой [Хайдеггер 2006: 384–385], предстает в итоге уже не как личная особенность Софьи Пирожковой, а как примета времени.

Мне представляется, что рано или поздно все поколения во все времена накрывает та неизбежность, о которой писал М. Хайдеггер, – совокупность «определенных возможностей», благодаря которым индивидуальные «судьбы уже заранее ведомы» [Там же: 384]. Поэтому, зафиксировав в предыдущем разделе своеобразную программу действий для поколения миллениалов, я должна задать себе вопрос: реализуема ли она в принципе? Могут ли миллениалы с их профессионализмом, прагматизмом и высокой оценкой ценности частной жизни быть активными проводниками универсальных ценностей и принципов, могут ли они стать теми, кто, засучив рукава, займется решением глобальных проблем? Более того, не является ли моя собственная судьба иллюстрацией того, что судьба поколения заключается в совершенно ином и выход из тупиков Я-поколения может и будет найден не миллениалами?

Рискуя вновь разочаровать читателя, я все-таки не буду отвечать на поставленные вопросы. Ответы будут даны не в области спекуляции, а в области исторической практики или, лучше сказать, жизни. Я лишь фиксирую альтернативу как для себя, так и для своих сверстников. Прохождение этой альтернативы каждым в отдельности и поколением в целом уже совершается. История миллениалов, в том числе философов-миллениалов, еще не написана, их судьба еще не определена. Х. Ортега-и-Гассет, еще один знаковый для поколенческой тематики автор, выделял пять этапов жизненной активности, каждый длиной в пятнадцать лет. «К подлинной истории, – писал Ортега, – относятся лишь два зрелых возраста» – «вступление в жизнь» (30–45 лет) и «господство в ней» (45–60 лет) [Ортега-и-Гассет 1997: 275]. Сегодня возрастные границы, обозначенные испанским философом, существенно размыты и 35-летние – это еще и молодые, и уже успевшие реализовать не один авторский проект люди, иногда даже получившие опыт принятия решений господствующего в жизни, а не вступающего в нее. Эта смесь опыта и свежего взгляда, о которой я писала в самом начале статьи,

и ставит миллениалов у переднего края – перед лицом проблем и вызовов. Отсюда совершенно не следует, что миллениалы захотят или смогут ответить на эти вызовы, что они не выберут частную жизнь или смогут вообще мыслить в категориях не личной жизни, а жизни общества и человечества. Мой ограниченный опыт говорит, что некоторые миллениалы перерастают рамки яппи (от *young urban professional person*) и не только расширяют границы своего прагматизма, но и частично переходят на те позиции, которые я бы назвала жизненно необходимым идеализмом. Кроме того, историческая сознательность не предполагает того, что человек должен становиться самозабвенным активистом или гуру от философии. То, что делает человека, в том числе ученого и философа, историческим субъектом, – это историческая перспектива, которую он удерживает перед мысленным взором, принимая те или иные решения.

Я согласна с К. Мангеймом, что возможность лучшего понимания своего поколения заложена в общении со следующим поколением. Именно 20-летние заставляют задумываться над тем, что же представляет собой поколение 30-летних. Такая рефлексия подводит меня к выводу, что миллениалы в философии своего рода переходное поколение. На наших глазах и, можно сказать, хребтах философия вместе со всей российской наукой претерпела существенные организационные трансформации, а вместе с мировой философией – трансформации проблематики, когда настойчиво обозначилась необходимость отвечать на новые социальные и антропологические вызовы – технологический прогресс, перспективу создания ИИ, различные трансформации человеческой телесности, уже совершившиеся изменения социальных практик под воздействием цифровизации и разрушения характерных для модерна паттернов поведения и деятельности. Как мне кажется, и отечественная, и мировая философия пока далеки от адекватного отклика на подобные проблемы, и в этом я вижу сферу ответственности своего поколения. Удерживая перед глазами время, когда названные вызовы только нарождались, и современность, когда они стали неотъемлемой частью действительности, мы можем оставаться традиционалистами – в самом лучшем смысле слова, в смысле сохранения преемственности и удержания того, без чего сама культура грозит распасться. В любом случае нам предстоит нести ответственность за то, каким станет мир, ответственность не только за новое, но и за то, что будет сохранено в культурной традиции, а что – утрачено. Причем речь идет не о ближайших десятилетиях, а о ближайших годах. Будущее совершается уже сейчас.

Гращенко Н. И., Латаш Л. П. 1964. Современные вопросы организации и локализации функций мозга. – *Вопросы философии*. – № 1. – С. 59–70.

Гращенко Н. И., Латаш Л. П. 1966. О физиологической основе сознания. – *Зоозозы (бруцеллез, лептоспириоз и др.): материалы конференции, октябрь 1966 г.* / Под ред. Л. В. Ярового. – Ставрополь. – С. 350–365.

Гращенко Н. И., Латаш Л. П., Фейгенберг И. М. 1962. Основные вопросы структуры рефлекторного действия и их методологическая оценка. – *Вопросы философии*. – № 8. – С. 36–49.

Левада Ю. А. 2001. Поколения XX века: возможности исследования. – *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – № 5 (55). – С. 7–14.

Лекторский В. А. 1995. Рациональность, критицизм и принципы либерализма (взаимосвязь социальной философии и эпистемологии Поппера). – *Вопросы философии*. – № 10. – С. 27–36.

Мангейм К. 2000. *Проблема поколений // Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений. Состязательность. Экономические амбиции* / Пер. с англ. М.: ИНИОН РАН. – С. 8–63.

Ортега-и-Гассет Х. 1997. *Вокруг Галилея // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды.* – М.: Весь Мир. – С. 233–403.

Пирожкова С. В. 2018. Советский марксизм и самосознание отечественной философии. – *Вестник РАН.* – Т. 88. – № 11. – С. 1039–1049.

Радаев В. В. 2018. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ. – *Социологические исследования.* – № 3. – С. 15–33.

Радаев В. В. 2019. *Миллениалы: как меняется российское общество.* М.: Издательский дом ВШЭ.

Семенова В. В. 2005. Современные концепции и эмпирические подходы к понятию «поколение» в социологии. – *Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России /* Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. – М.: Новое литературное обозрение. – С. 80–107.

Стёпин В. С. 1986. О прогностической природе философского знания. – *Вопросы философии.* – № 4. – С. 39–53.

Хайдеггер М. 2006. *Бытие и время /* Пер. с нем. В. В. Бибихина. СПб.: Наука.

Хобсбаум Э. 2004. *Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век (1914–1991).* – М.: Независимая газета.

Шанин Т. 2005. История поколений и поколенческая история. – *Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России /* Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. – М.: Новое литературное обозрение. – С. 17–38.

Shuman H., Scott J. 1989. Generations and Collective Memories. – *American Sociological Review.* – Vol. 54. – No. 3. – P. 359–381.

Twenge J. M. 2014. *Generation me: why today's young Americans are more confident, assertive, entitled – and more miserable than ever before.* – N. Y.: Atria/Simon & Schuster Inc.